

О некоторых базовых мифологемах культурного кода русской цивилизации и поиске новой российской идентичности

© В.В. Легчилин

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье ставится цель выявить некоторые базовые мифологемы русской культуры, без учета которых, по мнению автора, невозможно формирование новой российской идентичности. Автор показывает, что оформление политической общности и соответствующих ей признаков идентичности в современной России может быть продуктивным только с учетом предшествующего исторического опыта, который свидетельствует, что политическая общность в России складывалась на фундаменте общности духовно-нравственной и культурной. Корректное понимание политической элитой культурного кода российской цивилизации и опора на его базовые мифологемы при определении стратегии социально-экономического развития являются абсолютно необходимым, хотя и недостаточным условием формирования новой общегосударственной идентичности.

Ключевые слова: вектор стратегии общественного развития, идентичность, культурные заимствования, культурный код, мифологемы

Современная Россия представляет собой сложный социокультурный организм с очень непростой историей, который находится в состоянии глубокого кризиса, порожденного социальной революцией начала 90-х годов прошлого века. Государство, возникшее на руинах СССР, призвано скрепить в некое единое целое население, состоящее из представителей различных этнических общностей, придерживающиеся разных религиозных убеждений, чудовищно расслоившееся по доходам и очень непросто структурируемое по региональному признаку. К этому необходимо добавить существенные различия между поколениями, порожденные не только наличием или отсутствием у них «советского опыта», но и разной степенью адаптации к реалиям современной жизни.

Целью данной статьи является выявление некоторых базовых мифологем русской цивилизации, без принятия во внимание которых невозможно формирование новой российской идентичности, так как коллективное бессознательное народа России, определяемое этими мифологемами, будет сопротивляться любым попыткам элиты оформить набор признаков российской идентичности, проигнорировав представления большинства населения о правильном и «праведном» устройстве жизни общества.

Проблема формирования новой идентичности, которая позволила бы «спаять» население страны в некое целое, противопоставляющее себя другим подобным общностям и пронизанное солидарностью, по крайней мере, в конкуренции с ними, становится не просто актуальной политической задачей, а насущной необходимостью для современной российской власти.

Система признаков новой российской идентичности, для того чтобы быть современной, т. е. отвечать вызовам времени, призвана объединить:

- жителей различных регионов;
- представителей самых разных религиозных убеждений и атеистов;
- членов множества российских этнических общностей;
- все социальные классы и страты общества;
- различные возрастные группы населения.

Иными словами, признаки идентификации как минимум не должны вызывать отторжения ни у одной из социально значимых групп населения, а как максимум выражать существенно значимые и положительно оцениваемые для них характеристики личности.

Этническая идентичность, как базирующаяся в конечном итоге на примате принципа кровно-родственного родства, на поиске «ядра» общности в генотипе и попытках связать с ним модели мышления и поведения, представляет наибольшую политическую угрозу для современного российского общества. Об этом более чем аргументированно говорят и политики, и представители экспертного сообщества.

Представлены в политическом дискурсе и попытки «устранения» угроз этнической идентификации через противопоставление нации как этнической общности нации, понимаемой как общность политическая, государственно-гражданская. Об этом много и довольно аргументированно пишет директор Института этнологии и антропологии РАН, председатель Комиссии по толерантности и свободе совести Общественной палаты РФ Валерий Тишков. [6, с. 21-41]

Однако, даже если предположить реальное существование государственно-гражданской идентичности в современном российском обществе и допустить, что она способна выполнить функцию консолидации общества вокруг присущей ей системы ценностей, абсолютно необходимо уточнить, каковы эти ценности. Российская традиция выстраивает систему координат «свой — чужой» прежде всего на основе «веры». Она лишь своеобразно дополняет ее принципами «земли» (политической общности) и «крови» (этнической общности). Русским, прежде всего, считался православный, затем им мог быть подданный русского царя, не православный по вере, но принимающий власть православного

царя, и только в последнюю очередь включались этнические моменты. Советский период только усилил эту традицию. Политическая общность в нашей истории формируется на ценностно-мировоззренческой основе. Актуально это и для сегодняшней России.

И, казалось бы, решение поставленной проблемы лежит на поверхности и даже уже озвучено политиком самого высокого ранга в качестве программного. В.В.Путин в своей статье в «Независимой газете» пишет: «Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [4].

Проблема, однако, в том, что понимание «культурного кода» русской цивилизации в нашей научной и публицистической литературе оставляет желать лучшего. В ней практически отсутствует общепринятое понимание и «набора символов» этого кода (т. е. смыслов и ценностей), и уж тем более законов их взаимосвязей, как горизонтальных, так и иерархических.

Еще более глубокие проблемы возникают в связи с недружественными попытками «взлома» данного культурного кода с целью его полного уничтожения, о которых упоминает президент. Попытки эти связаны не только с деятельностью внешних сил, но и с усилиями значительной части современной российской элиты. Сразу же вспоминается, как пример, статья А.И. Ракитова «Цивилизация, культура, технология и рынок». В этой работе г-н Ракитов говорит о неуважении к человеку и отрицании всего нового как фундаментальных устоях нашей культуры и декларирует необходимость глубинных трансформаций в ядре культуры для выживания и развития нашего общества [5]. Но что такое глубинные трансформации в культурном ядре? Может ли культура, пережившая подобные трансформации, оставаться сама собой и уж тем более консолидировать общество, став основой идентичности?

Поскольку само понятие «культура» в современной философской и научной литературе используется в существенно различающихся смыслах в зависимости от методологических и мировоззренческих предпочтений авторов, то оговоримся, что мы будем понимать под культурой некое «послание» от предков к потомкам, в котором в символах и образах зашифрован опыт борьбы за выживание предшествующих поколений данной общности. При этом особое значение приобретает ценностно-ориентационный аспект этого «послания», поскольку

именно он позволяет найти согласие в фундаментальных аксиомах восприятия действительности, ориентации в ней и выбора способов и целей ее изменения в «желательном» или, точнее, соответствующем ценностям направлению. Культурный код связан именно с ценностями и их иерархией. В нем через миф и символ задается то, что Освальд Шпенглер назвал «способом переживания жизни». Напомним, что «аксиологическое значение выражает ценность, а не реальное бытие. В образе воображения, в мифе, в символе, должна быть угадана некоторая подлинная ценность — тогда только мы имеем правду образа и мифа и символа» [2, с. 58–59].

Сам «культурный код», очевидно, формируется под влиянием объективных факторов, оказывающих воздействие на миропонимание социальной общности, его вырабатывающей. Среди таких факторов можно выделить: географическую среду, как физическую, так и политическую, систему хозяйствования или, точнее, особенности хозяйственной деятельности, а также религию (а на более поздних этапах эволюции общества и идеологию).

Зарождающаяся культурная традиция призвана ответить на целый ряд фундаментальных для бытия личности и общества вопросов. Ответы на эти вопросы на ранних этапах развития человеческих сообществ даются не в религиозной и уж тем более не в рационально-философской форме. Они скрыты в мифе, сказке, символе. Религия приходит гораздо позже и как упорядоченная система впитывает часть подобных мифов и символов, адаптирует и трансформирует их, обретая свою национальную форму. Какую-то часть старых мифов и символов она отторгает и непримиримо с ними борется, «выжигая» их в народном сознании, и они исчезают или уходят на периферию духовной жизни. Хочется подчеркнуть тот факт, что и религия, и идеология в любом обществе неизбежно обретают национальную форму, несмотря на и вопреки стремлению к универсальности и всечеловечности. Это происходит под воздействием языка, синтеза с ранее возникшими и устоявшимися в данной культурной традиции символами и смыслами, и, наконец, деятельностью элиты по адаптации новых идей и символов для решения конкретных задач, стоящих перед обществом.

Одна из трагических ошибок современной российской прозаической элиты состоит, на наш взгляд, в том, что под бесконечные разговоры об обретении каждым гражданином чувства личной ответственности и свободы как совершенно необходимом условии развития общества на самом деле именно этих качеств и пытаются лишить подавляющее большинство населения. «Запад» как культурно-цивилизационный комплекс берется за образец, цель и мерило нашего движения

в единственно возможном направлении. Эту установку нельзя обсуждать, в ней нельзя даже сомневаться, а следовательно, нет ни выбора, ни свободы. На уровне личности в качестве единственно приемлемой для развития общества цели жизни декларируется стремление к успеху. Успешность измеряется количеством денег и власти, присвоенных человеком. Общее благо можно понимать только как механическую сумму благ, обретенных и присвоенных членами общества. Главный критерий, определяющий благо, — это удобство, жизненный комфорт, который понимается индивидуально и индивидуалистически. В конечном итоге смысл жизни трактуется гедонистически. «Где наслаждение, там я», «Бери от жизни все», — кричат рекламные лозунги, вдалбливая совершенно конкретные психологические установки.

Дело не в том, что это даже не Запад. Подобный примитив есть то понимание фундамента западной цивилизации, которое придумано усвоено правящим классом современной России в качестве оправдания собственного образа мысли и поведения. Гораздо более серьезная проблема для национального сознания граждан России возникает в связи навязыванием идеи отсутствия альтернатив в выборе целей и критериев развития. Вольно или невольно наши западники от туповато-простоватой Валерии Новодворской до рафинированного Анатолия Ильича Ракитова, декларируя необходимость свободы выбора и ответственность за него, навязывают рабское подражание весьма сомнительной модели и игнорируют проблему ответственности элиты за выбор такого пути. Сознательная это подмена или неосознанная — в данном случае неважно, важно то, что она есть.

Мотив спасения души на пути нравственного восхождения как смысла человеческого существования и его цели игнорируется как очевидно экономически нецелесообразный да еще и крайне трудно измеримый, чего современная наука не любит и предпочитает избегать, отдавая на откуп религии.

Между тем в христианских культурах этот мотив неистребим. Можно спорить о том, спасается ли человек индивидуально или совместно с другими. Можно дискутировать о том, находится ли источник спасения вовне или внутри личности. Можно рассуждать о способности или неспособности человека найти путь к спасению без помощи со стороны высших сил, о признании факта их существования или его отрицании и о многом и многом еще. Но с того момента, как в культуре возникло различие тела, души и духа, невозможно игнорировать значимость решения этой проблемы для представителей подобной культурной традиции и отрицать выбор этой цели в качестве смыслообразующей для значительной части населения.

Спору нет, выбор пути, вектора развития общества и человека возможен только на основе учета реалий сегодняшнего дня, совокупности всех факторов, как внутренних, так и внешних. Бесспорно и то, что изучение чужого опыта, особенно положительного, плодотворно. Но его механический перенос и адекватное восприятие невозможно или практически невозможно. Как невозможно плодоношение бананов на открытом грунте в условиях вечной мерзлоты, несмотря на все успехи генной инженерии. Любые культурные заимствования, для того чтобы прижиться, требуют как минимум отбора с учетом оценки возможностей их восприятия, а как максимум творческого подхода к их вживлению в уже сложившуюся и обладающую целостностью культурную традицию. Народный поэт Дагестана Абуталиб сказал: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в тебя из пушки». Эти слова у нас вспоминают часто, но часто ли мы помним об этом, когда говорим о культуре?

Со времен «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона Россия мечтает «жить по совести». «Жить не по лжи» ей, матушке, мало и неинтересно. Проблем это порождает немереное количество и на уровне личности, и на уровне коллектива, и на уровне общества, но другой идеал в русской культуре «работать», на наш взгляд, не будет. Можно маркировать это как манихейство и гностицизм и призывать на этом основании отречься от собственной культуры, как это делают высоколобые интеллектуалы [7]. Можно пытаться соблазнять общество разговорами о том, что в России жизнь должна стать комфортной, если продолжить приватизировать собственность и демократизировать политическую систему, как это делают наши политики. Общественный идеал должен, а точнее, не может не опираться на базовые смыслы и коды культуры страны, а они требуют не комфорта и буржуазно-мещанской сытости. Жизнь в России должна быть осмысленной и потому интересной, пусть трудной и не всегда удобной, но обязательно интересной и, что еще более важно, с верой в высший смысл. А этот высший смысл состоит в изменении самого человека в «обожении», говоря религиозным языком. Вот почему в идеале вознаграждается не корысть, жадность и даже талант, а бескорыстие, доброта и детская доверчивость Ивана-дурака. Об этом символическом образе русского народного творчества говорится много, маркетологи, исследующие его как один из базовых архетипов отечественной культуры, относят его к архетипу «магия», о том же пишут и культурологи [8], проклиная мечту о дармовом, магическом счастье, но при этом игнорируя нравственный императив, заложенный в символ. Иван получает все потому, что он добрый, по-детски наивный и доверчивый. В жизни так не

бывает, и поэтому он дурак, но так должно быть, точнее, только так правильно, на то и сказка сказывается. Восходит это к христианскому «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18:3) или лежит в еще более древних пластах русского «способа переживания жизни», ответить трудно, но это очень глубоко укоренено. Доброта и бескорыстная наивность должны вознаграждаться, иной мир лишен праведности и справедливости.

Культура — развивающийся феномен. Взаимопроникновение и взаимовлияние культур неизбежно в мире, который становится глобальным. Довольно часто вспоминая об этом, подразумевают, что этот процесс всегда благовиден, так как способствует обогащению и развитию культуры, воспринимающей внешнее влияние. Но ведь еще Н.Я. Данилевский различал «пересадку или колонизацию», «прививку» и «почвенное удобрение» как типы культурных взаимодействий [1, с. 83–84]. Нет ничего плохого или угрожающего в культурных заимствованиях, когда усваивается пусть чужое, но не **чуждое**. Под чуждым мы понимаем то, что противоречит базовым, наиболее фундаментальным ценностям и смыслам культуры, испытывающей внешнее воздействие.

Гедонизм, насаждаемый правящим классом, на наш взгляд, абсолютно чужд русской культурной традиции на протяжении всей истории ее развития. Насколько гедонизм органичен для европейской культуры — это отдельный и совсем непростой вопрос, далеко выходящий за рамки данной работы. Для нас важно то, что господствующий экономически и политически класс навязывает стране совершенно определенные образцы мотивации деятельности и поведения, которые связаны с настоящим культом комфорта и чисто материальной роскоши.

Между тем культурный архетип, который формировался в условиях зоны рискованного земледелия как природной среды его возникновения и развития, не мог не породить «культ праведной бедности» и аскетизма как одну из фундаментальных основ культурного кода. Поскольку результаты земледельческого труда зависели в большей мере не от личных усилий и трудовых навыков, а от капризов природы, постольку в духовную традицию закладывались идеи судьбы, рока (позднее божьей воли), которые надо принять и подчиниться. Фатализм переплетался с отношением к бедности не как к пороку, следствию лени и неумения работать, а как к результату внешних по отношению к работнику факторов. Нет ничего более чуждого русской культуре, чем понятие «неудачник» в трудовой и житейской этике протестантизма кальвинистского толка. (Заметим попутно, что именно подобное отношение, граничащее с «социальным расизмом», активно

пытается насаждать наша либеральная интеллигенция.) Если так можно выразиться, перенос важнейших критериев оценки человека окружающими с внешнего, или социально-экономического, во внутреннее, или духовно-душевное, был закреплен и усилен православным христианством. По-своему ту же традицию продолжала и развивала советская культура, в рамках которой личная скромность и бытовая неприхотливость рассматривались как несомненные достоинства личности.

Хозяйственная деятельность в зоне рискованного земледелия формировала и соседскую солидарность, которую очень часто пытаются трактовать как коллективизм. На наш взгляд, здесь происходит некая невольная подмена, требующая уточнения понятий. Если понимать под «коллективизмом» признание абсолютного главенства некоторого коллектива или группы (в нашем случае общины, крестьянского «мира») над человеческой личностью, то он не является базовой установкой русской культуры. Условия жизни в зоне рискованного земледелия и общинного землепользования требовали умения ладить с соседями, поддерживать отношения, обеспечивающие возможность обратиться за помощью и поддержкой, добиться хоть какой-то справедливости при распределении наделов и т. п., но не подчинения коллективу и растворения в коллективе. Индивидуализм культивировался и усиливался на протяжении тысячелетней христианской истории России через идеи личной ответственности каждого перед Богом за свои помыслы и поступки. Православная соборность — это скорее продолжение и насыщение духовными началами принципов солидарности, взаимопомощи и лада с теми, кто живет рядом и рассматриваются как «свои».

Эта русская модель исключает как подавление личности коллективом и растворение в нем, так и отрыв индивида от общины, противопоставление себя ей. Очень хотелось бы назвать такое отношение гармонией, если подразумевать под гармонией не отсутствие противоречий, а особое состояние их единства.

Как справедливо отмечает Вадим Михайлович Межуев, «если главной целью христианина является спасение души, то в русском понимании ни один не спасется, если не спасутся все. Нельзя спастись в одиночку, когда каждый только за себя. Спасение каждого зависит от спасения всех. Православная этика коллективного спасения строится не просто на идее справедливости — каждому по делам его (такая справедливость есть и в аду), а на любви и милосердии к каждому страждущему, ко всем «униженным и оскорбленным» [3, с. 40].

Выбор модели развития общества за счет энергии личной индивидуалистически ориентированной инициативы, противопоставляющей себя окружающим уже в процессе зарождения и рушащей любые

преграды на пути к желаемой цели, которая, в свою очередь, весьма далека от представлений окружающих об общем благе, внутри русской культурной традиции абсолютно бесперспективен. За подобными «лидерами» не пойдут, их будут презирать, а при возможности и вредить. Сколько сказано о завистливости русского народа, о том, что у нас ревниво смотрят в «чужой карман» и считают в нем деньги! Сколько в отечественной публицистике разговоров о том, что русский мечтает не о том, чтобы лично преуспеть, а о том, чтобы «у соседа корова сдохла»! И во всех подобных рассуждениях нет ни малейшего желания что-либо понять и уж тем более принять и использовать.

Человек, сформированный русской культурой, действительно ревниво смотрит по сторонам и, в том числе, и в «чужой карман», поскольку испокон века знает, что преуспевание может быть результатом личных усилий и некоторого везения (божьего промысла), а может появиться вследствие аморальных методов и помощи сил, весьма далеких от блага и Бога. Следовательно, и отношение в обществе к личному успеху и его носителю будет сформировано разное. Ну не завидуют у нас гениям, героям, святым и первооткрывателям, всем, на кого Бог «возложил» особый крест, включая носителей власти! Этих людей уважают, иногда поклоняются, за ними следуют как за лидерами. Вот только убедить общественное мнение и даже просто окружающих (сотрудников, коллег, соседей), что успех заслужен и нравственно оправдан, в России труднее, чем на Западе, на который мы хотим равняться. А после «лихих 90-х» и извлеченного из них социального и духовного опыта убедить в этом людей стало на порядок труднее, хотя и без того проблема взаимной «подозрительности» и ревности к успеху стояла весьма остро. В русской культурной матрице победителей не просто судят, соотнося успех с соблюдением правил игры (в честности которых тоже постоянно сомневаются), но и требуют от победителя высочайших нравственных качеств, а в идеале святости. Если ты сильный, то должен быть святым, как Илья Муромец, если ты умный, то должен быть мудрым (то есть добрым и бескорыстным), а в идеале опять-таки святым. Достаточно вспомнить, каким образом исторически трансформировался в советской пропаганде и общественном сознании образ «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина или как в эпоху перестройки весь пантеон советских героев разрушался разоблачениями их недостаточной «святости» в реальной жизни и карьере.

Социологи четко фиксируют кризис доверия, имеющий место в нашем обществе. Без «преодоления» этого кризиса развитие общества на энергии индивидуализма просто невозможно, так как индивидуалисты в социуме вынуждены кооперироваться и сотрудничать даже

для достижения чисто эгоистических целей. Кооперироваться можно только с теми, кому доверяешь, то есть кто понятен, предсказуем и действует в рамках не только юридической, но и культурной нормы. А таких вокруг нет, поскольку обрушены все нормы. Юридических норм «еще нет» (отсюда бесконечные разговоры о необходимости срочного принятия законов, которые урегулируют те или иные отношения), а культурных норм «уже нет», так как высшие круги общества не просто не подают пример их соблюдения, но и публично их отрицают. Стереотипы, нормы и мифологемы отечественной культурной традиции постоянно «маркируются» элитой как мешающие модернизации и развитию. Важно заметить, что переход от отрицания «совка» (как определялась советская культура) к отрицанию всего собственно русско-православного наследия произошел по историческим меркам очень быстро и вполне логично.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с материалами научных дискуссий по этой проблематике, которые периодически проводятся Высшей школой экономики и фондом «Либеральная миссия». (Круглый стол «Старо-новые российские мифы» проходил 16 апреля 2009 года, дискуссия на тему «Российская ментальность и вызовы времени» состоялась 5 февраля 2012 года, а поводом для последней стала книга «Куда ведет кризис культуры?», выпущенная фондом в 2011 году.)

Рефрен, который звучит на этих дискуссиях: русская культура не просто мешает развитию, она его блокирует. Власть в России сакральна, а личность не автономна и лишена воли и энергии, необходимых для эффективной адаптации к реалиям современного рыночного и конкурентного мира. Вопросы, которые автоматически возникают по поводу образца и меры автономности личности, предлагаемых для сравнения, даже не обсуждаются.

Недоумок, говорящий по мобильному телефону на смеси мата, блатной фени и изуродованных английских слов, должен рассматриваться как личность, если он ведет таким образом переговоры по поводу выгодного контракта и сидит при этом в престижной иномарке? Автономная и свободная личность как источник инноваций и развития общества — она автономна и свободна от чего? Культура — это ведь еще и система табу, и табу эти в современном западном обществе подкрепляются очень мощными ограничителями.

Современный человек западной культуры, возможно, и автономен от «русских химер» вроде стыда, чести и совести, но он намертво опутан кредитами и страховками экономически, юридическими законами и тотальной слежкой политически, обязанностью в сфере духа быть

«толерантным» к любой мерзости, чтобы быть принятым в стратах общества, вхождение в которые необходимо для достижения успеха.

Предлагаемая логика проста: принять мир таким, каков он есть, и адаптироваться к нему, не оценивая и не выбирая направление дальнейшего движения. Двигаться вперед — это двигаться в сторону западного образца. Почему вестернизация — это модернизация? Потому что так считают те, кто хорошо знает Запад и приобщен к его культуре и абсолютно уверен, что там нет проблем для развития, ну или, по крайней мере, наших проблем?

Интеллектуальная элита или, точнее, наиболее влиятельная часть экспертного сообщества, которая не знает, как решать проблемы своей страны, но самонадеянно уверена, что сумела бы решать проблемы какой-то другой — «правильной», «современной», «европейской», короче, не русской — вот главная проблема нашей страны.

Эта группа влиятельна, энергична, сплочена, организована и готова интеллектуально обслуживать интересы экономически господствующего класса не на страх, а на совесть. Ирония ситуации состоит в том, что именно она более всего любит рассуждать о сервильности, рабском характере русского человека и тому подобных материях. Вновь и вновь на разные лады и по самым разным поводам идут рассуждения об отсутствии чувства собственного достоинства и стремления к личной свободе в русской культуре.

Между тем международный опыт свидетельствует о том, что успеха в развитии своих стран добиваются те элиты, которые избирают диаметрально противоположный методологический подход. Китайско-конфуцианский регион (не вспоминая уже о нашем советском опыте), строит модель развития на приспособлении методов управления социальными и политическими процессами в современном обществе к архетипам национальной культуры.

Развитие общества невозможно без веры субъекта этого развития в себя, в свою способность справиться с имеющимися проблемами. Таким субъектом может выступать только население страны в целом, в нашем случае народ России. А народ на сознательном и бессознательном уровне хранит верность базовым мифологемам своей культуры, так как именно подобные верования и мифы позволяют ему оставаться самим собой, длить свое существование и отличать «своих» от «чужих». Новая российская идентичность может быть сформирована только на фундаменте уже существующего культурного кода русской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германо-Романскому. СПб Издательство С.-Петербургского университета, издательство «Глаголь», 1995.
- [2] Иванов Вяч. Лик и личины России. М., 1995.
- [3] Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ. ред. И.М. Клямкина — М.: Новое издательство, 2011.
- [4] Путин Владимир. Россия: Национальный вопрос. «Независимая газета» 23.01.2012.
- [5] Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок. «Вопросы философии» 1992, № 5. Еще более определенно Ракитов высказывается в журнале «Огонек» № 52 за 2008 год: «Нет, тот, кто говорит о возрождении России на старых традициях, просто болван. Нужно проститься с прежней Россией, с прежней моралью. Нужно осознать, что всему — и советскому и дореволюционному — конец. И чем дольше мы будем затягивать агонию, тем хуже».
- [6] Тишков В. Что есть Россия и российский народ. «Pro et Contra», май-июнь 2007 года.
- [7] Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды российской цивилизации — М., Русский путь. 2010.
- [8] Яковенко И.Г. Образование новой России. Новая газета № 29. 16 марта 2012.

Статья поступила в редакцию 05.08.2013

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Легчилин В.В. О некоторых базовых мифологемах культурного кода русской цивилизации и поиске новой российской идентичности. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 4. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/63.html>

Легчилин Владимир Витальевич — канд. филос. наук, доцент кафедры «Политология» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: vv11754@yandex.ru